

CONNECTIONS

The Quarterly Journal

Том XIV, № 4

Осень 2015

Среднеазиатские позиции по украинскому кризису: балансирование на тонкой грани?.....	1
<i>Эмильбек Джураев</i>	
Стратегические последствия войны на Украине для постсоветского пространства: взгляд из Центральной Азии.....	13
<i>Фарход Толипов</i>	
Как Россия, шаг за шагом, хочет восстановить свою имперскую роль в глобальной и европейской системе безопасности.....	25
<i>Зофия Студзинска</i>	
Ретроспективный взгляд на Косовскую кампанию НАТО 1999 года: юридически спорное, но оправданное исключение?.....	49
<i>Ральф Р. Стайнке</i>	
Косово 1999 и Крым 2014: сходства и различия.....	63
<i>Пал Дунай</i>	
Конфликт в Косово, рассмотренный в концептуальных рамках заинтересованных сторон.....	77
<i>Анета Новаковска-Кристман и Марзена Жаковска</i>	
Программа НАТО «Си Спарроу»: сотрудничество, основанное на доверии.....	91
<i>Дабровка Смолни</i>	
Террористические угрозы против России и ответные контр-террористические меры.....	103
<i>Джошуа Синай</i>	
Доклад СП о борьбе с терроризмом.....	111

Стратегические последствия войны на Украине для постсоветского пространства: взгляд из Центральной Азии

Фарход Толипов *

Введение

Продолжающаяся война на Украине потрясла основания и так хрупкого Союза Независимых Государств (СНГ). После отделения Южной Осетии и Абхазии от Грузии и Приднестровья от Молдовы, аннексии Крыма Россией и поддержания Украины в состоянии продолжающегося кризиса путем применения тактики «взятия на измор», Россия не только попала под действие международных экономических санкций, но и вызвала подозрения среди ее постсоветских друзей, граничащих с ней, о наличии неоимперского синдрома. Действия России на Украине осудило не только международное сообщество, но и внутри Сообщества Независимых Государств возникло болезненное напряжение.

Парадоксально и как будто по иронии судьбы, что эти драматические события разворачиваются одновременно с как будто интеграционными усилиями, связанными с созданием Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС). Как война на Украине, так и создание ЕАЭС, показали недееспособность СНГ и обозначили начало нового этапа реструктурирования и реформирования того, что называют постсоветским пространством. Как это пространство будет реконфигурировано, будет иметь глобальные геополитические последствия, поскольку эти процессы происходят на одной шестой части территории Земли – огромной географической области, которую царская Россия и Советы когда-то гордо приписывали себе.

На практике, кризис СНГ начался сразу после его учреждения в 1991 году, когда пять новых независимых среднеазиатских государств решили создать свое Сообщество – САГ. С тех пор на постсоветском пространстве сосуществовали наряду с СНГ разные небольшие сообщества, которые постоянно подрывали строительство самого СНГ. Чем дольше продолжается война на Украине, тем в большей степени Россия будет отчуждать украинцев и тем в большей степени интеграция вокруг России будет повторять судьбу фальшивого СНГ. В последнее время Центральная Азия делает пока неясные выводы из этой геополитической ситуации и принимает неоднозначные стратегические решения.

Эта работа посвящена анализу этих уже упомянутых трех основных пунктов: последствиям войны на Украине для СНГ, ошибкам России и реакции стран Центральной Азии.

Кризис на Украине и турбулентность в СНГ

При анализе событий, происходящих на Украине, надо вспомнить о двух примечательных фактах, а именно: во-первых, когда в 2014 году началась война на Украи-

* Доктор Фарход Толипов является директором неправительственной образовательной институции «Караван знаний» в Ташкенте, Узбекистан.

не, это государство было председателем Сообщества Независимых Государств (СНГ); во-вторых, Украина была соучредителем СНГ в 1991 году наряду с Российской Федерацией и Белоруссией. Надо так же отметить, что вопрос об Украине был основной причиной для срыва переговорного процесса о новом Союзе, который продолжался с сентября по декабрь 1991 года в Ново Огарево, предместье Москвы. Фактом является то, что Украина не принимала участие в этом процессе и воздерживалась от присоединения к нему. Это и есть причина, по которой заявление Бориса Ельцина, что новый Союз не может быть построен без Украины, оправдывающее решение о расформировании СССР, говорит само по себе. Парадоксально, но государство, которое не вошло в предполагаемый новый Союз, неожиданно стало одним из трех соучредителей еще более неопределенного Союза – СНГ.

До тех пор пока Украина оставалась неотменной частью СНГ, вопрос об ее территориальной целостности не поднимался и русское население восточной части страны даже и не думало о Новоросии и отделении. Почти четверть века Крым считался частью украинской территории. С этой точки зрения можно предположить, что усилившиеся и явные проевропейские намерения Киева стали главным геополитическим катализатором последующего трагического развития событий. Однако, риторика Москвы по украинскому вопросу и попытка оправдать себя в отношении аннексии Крыма претерпели удивительную метаморфозу: от лозунга «Мы никогда не подвергнем опасности (или не предадим) наш народ [русских]» до заявления, что передача Крыма Украине Хрущевым в 1954 году была ошибкой, и от ссылки на референдум и волю крымского народа «демократически» выраженной в марте 2014 года о присоединении к России до упоминания угрозы о вхождении НАТО в Черное море и взятии Севастополя, и в последнюю очередь до сакрализации Крыма в истории России. Такое сочетание сложных аргументов только показывает степень (гео)политического замешательства, в котором находится руководство России.

Недавно лидер крымских татар Мустафа Джемилев, комментируя заявление Путина, что Крым является священным для России местом, где произошло крещение киевского князя Владимира, подчеркнул, что на подобном основании, поскольку татарский хан Девлет I Гирей взял Москву в 1571 году, татары так же могут считать Москву священным для них местом. Хотя, конечно, татары так не думают. Джемилев утверждает, что в российской политике наблюдается сильный примитивизм.¹

Тем временем, начало второй украинской «Цветной революции» в феврале 2014 года пошатнуло не только саму Украину, но также и основы СНГ. Резкое разделение Украины как государства и нации стало моментом истины для всей постсоветской структуры. Подъем антироссийского национализма на Украине, наряду с российской реакцией, нашедшей выражение в аннексии Крыма, рас-

¹ Смотри <http://rus.err.ee/v/radio4/f986ab07-3151-4dc2-8766-d6e03c1d91ba> (по состоянию на 22 марта 2015).

крыли не только упорную российскую неоимперскую позицию на постсоветском пространстве, но также вызвали геополитические опасения среди бывших советских республик, в том числе и среднеазиатских.

Россия не смогла обеспечить четкую и решительную поддержку для своих действий на Украине со стороны стран СНГ по крайней мере по трем причинам: во-первых, Москва не смогла соответствующим образом оправдать аннексию Крыма и предоставить убедительные аргументы на основе международного права; во-вторых, Россия предпочла использовать жесткую силу при разрешении украинской проблемы вместо широко разрекламированную мягкую силу, направленную на так называемое «близкое зарубежье», политики, объявленной самой Россией в последнее время; и в-третьих, Россия продемонстрировала антизападное международное поведение времен Холодной войны и потому усилила неофициальное давление на другие бывшие советские республики, сотрудничающие с Западом.

Для Украины со дня своего основания СНГ оставался просто удобной рамкой для многосторонних отношений с Россией и другими странами-членами, поскольку это очень рыхлая и слабая организация. Но когда в 2002 году шесть стран-членов СНГ создали Организацию Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ), Украина осталась в стороне, так как этот квазиальянс был более сильной интеграционной рамкой, чем СНГ. Украина так же отказалась присоединиться к созданному по инициативе России Таможенный Союз и Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС). Несмотря на свою роль сооснователя СНГ, после 1991 года Киев отказывался от какой-либо более глубокой интеграции с Россией. По иронии судьбы, Украина приняла председательство СНГ в январе 2014 года, с ныне свергнутым президентом Януковичем в качестве Председателя.

Надо отметить, что в этом контексте сепаратизм может во все большей степени стать тенденцией в некоторых частях независимых постсоветских государств, населенных значительными русскоговорящими общинами, и раздувание этих процессов стало отличительной чертой российской внешней политики. Отделение Южной Осетии и Абхазии от Грузии в 2008 году до сих пор не привело к присоединению отколовшихся провинций к Российской Федерации, в отличие от отделения Крыма. Россия в настоящее время обзавелась еще одним недружески, чтобы не сказать враждебно, настроенным соседом (после Грузии и Молдовы). После отделения Крыма движение Украины в сторону Европы, вероятно, получит новый и значительный импульс.

Ошибка России

Когда в 2003 году Президент Грузии Эдуард Шеварднадзе решил закрыть российскую базу в Абхазии, член парламента России Геннадий Райков заявил, что «Российские миротворцы являются оплотом мира в регионе грузинско-абхазского противостояния». Он считал, что «Президент Грузии должен понять, что если мандат миротворцев не будет продолжен, он окажется в состоянии войны с Абхазией», и действительно война между Грузией и Абхазией началась.

В разгар войны на Украине российский генерал Леонид Ивашов, комментируя принятие Кыргызстана в ЕАЭС, заявил: «Мы должны присмотреться к тому, что

случилось с Украиной, когда она попыталась отойти от России и подняться в Европу. Украина перестает существовать. Но Кыргызстан меньше Украины ...».² Это только один из примеров того, как сегодня Россия предпринимает изощренные усилия обеспечить себе лояльность одного государства. По большому счету, всеми своими действиями на постсоветском пространстве, Россия создает впечатление, что она слишком занята своей собственной версией Доктрины Монро. Разумеется, как великая сила Россия не может иначе, кроме как строить свою внешнюю политику как демонстрацию силы. Это нормально для великой силы. Вопрос в том, как она использует средства, которыми она располагает.

Информационный сайт «Russia Direct» недавно отметил, что российский подход к развитию политических событий на Украине в 2013-2014 годах привел к усилению отрицательных настроений среди других стран даже еще до начала военных действий в восточной части страны. Нет никаких причин думать, что ситуация улучшилась с тех пор. Далее, «Russia Direct» отмечает, что «Кроме того, российское руководство сразу после включения Крыма в состав России изменило риторику, намекая на то, что оно собирается восстановить «единство исторической России», что вызвало трения в отношениях с соседними странами. Российская концепция мягкой силы в большой степени была подорвана».³

Почти сто лет назад Россия в качестве великой силы смогла объединить народы бывшего Советского Союза. В 1991 году Россия смогла за сутки разрушить государство, которое она когда-то создала, и разъединить эти народы. Является ли сегодня Россия действительно великой силой, способной снова объединить их? Здесь важно подчеркнуть, что сохранение народов и стран в сфере влияния и объединение их заново, и что это разные задачи, требующие разных стратегий. Тогда как первая основывается больше на геополитических инструментах и меньше на нормативных, вторая требует больше нормативных, чем геополитических активов.⁴ Мягкая (нормативная) сила создает притяжение; жесткая (геополитическая) сила порождает противодействие со стороны государств, на которые она направлена.

К настоящему моменту страны, соседствующие с Россией, ведут себя как зрители, которые только наблюдают, как Украину разрывают на части. Их плохо скрываемые опасения до сих пор успокаиваются некоторыми туманными заявлениями, которые Москва сделала без особых видимых признаков внимания и понимания. Многие аналитики отмечают, что у России нет четко определенной стратегии в Центральной Азии, и это верно. Но это не элементарная проблема, по-

² Истины генерала Ивашова, интервью газеты *Вечерний Бишкек*, 24 апреля 2015, доступно на http://members.vb.kg/2015/04/24/gost/1_print.html.

³ Alexey Dolinskiy, "Hard thinking about Russian soft power: What to do next?" *Russia Direct*, 10 April 2015, доступно на <http://www.russia-direct.org/analysis/hard-thinking-about-russian-soft-power-what-do-next>.

⁴ Farkhod Tolipov, "'Power Being' and 'Power Projection' of Russia in Central Asia," in *Two Decades of Re-Emerging Russia: Challenges and Prospects*, ed. Sanjay Deshpande (New Delhi: KW Publishers, 2015), 93–104.

скольку реципрокный вопрос – есть ли у стран Центральной Азии четкая стратегия в отношении России – тоже имеет место. Для стран Центральной Азии Россия остается геополитической загадкой, и наоборот; для России Центральная Азия остается геополитической загадкой. Не случайно почти четверть века после распада Советского Союза Соединенные Штаты и Европейский Союз, а также страны Центральной Азии и Кавказа, заняты сверх всякой меры идеей сдерживания предполагаемых неоимперских амбиций Москвы. Вот почему, когда речь идет о трубопроводах или транспорте энергетических ресурсов из Центральной Азии в Европу через Кавказ, или о строительстве автотрасс и железных дорог, связывающих Европу и Китай через Центральную Азию и Кавказ (например ТРАКЕКА), концепция обхода России часто озвучивается в международной повестке дня.

В этой связи надо упомянуть и организацию ГУАМ/ГУУАМ; она была учреждена в 1994 году Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдовой. Позже к ней присоединился и Узбекистан (единственная страна из Центральной Азии). В 1998 году Узбекистан приостановил свое членство по политическим причинам. Несмотря на некоторое политическое замешательство, вызванное этим фактом, ГУУАМ все еще остается атрактивным форумом *per se*, который может получить новый импульс. Три измерения ГУУАМ – постимперское, экономическое и геополитическое – сделали эту организацию весьма уникальной среди постсоветских группировок.⁵ С этой точки зрения, ГУУАМ обозначил зарождающееся стратегическое партнерство между государствами этой группы, и оно символизирует региональное начинание определенной группы государств без участия России.

Предполагалось, что лидером ГУУАМ будет Украина. Ее амбиции на ассоциацию с ЕС и предполагаемое членство в НАТО придавали этой стране особый геополитический вес в контексте целостных постсоветских трансформаций. Несколькими годами назад бывший президент Украины Виктор Ющенко утверждал, что в рамках ГУУАМ будет создано единое пространство для добычи и транспорта энергетических ресурсов. Основным элементом этой системы, заявил он, должен быть «нефтепровод Одесса – Броды, который будет доходить до Польши и который станет альтернативой российским энергетическим поставкам в Европу».⁶

Не случайно 23 мая 2006 года странами-членами была подписана декларация, в которой заявлялось о создании «Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ». Интересно, что это единственная организация среди множества на постсоветском пространстве, в которой не участвует Россия и которая называет демократию по имени.

В целом, в центре большинства дискуссий, остаются два существенных вопроса, касающиеся сущности, формы и характера политических трансформаций в бывших советских республиках и их международных отношениях. Эти два во-

⁵ Фарход Толипов, «ГУАМ как символ постсоветской демократической геополитики», *Центральная Азия и Кавказ*, 3-4 (2008).

⁶ Клуб трех букв: Молдова может выйти из ГУАМ, источник: *Московские новости*, 22 июня 2007, доступно на www.centrasia.ru.

проса связаны с их отношением к России и с судьбой демократии. Прошлый статус-кво, который существовал с момента распада Советского Союза, предполагал доминирование России и преобладание авторитарных режимов как наследства советского прошлого. Сегодня этот статус-кво ставится под вопрос, так как переходный период подходит к концу и постсоветское пространство реформируется и реструктурируется.

Тогда как страны, соседствующие с Россией, были заняты геополитическими трюками в рамках туманной концепции обхождения России, сама Россия по традиции была занята тем, что называют «собираением земель» – стратегия, которая сталкивается с существенными рисками в контексте событий на Украине. Эту устойчивую черту геополитических нужд Москвы следует рассмотреть заново. Как отмечает Джон Миршаймер,

Действия Путина легко понять. Являясь огромным пространством равнинной земли, которое наполеоновская Франция, имперская Германия и нацистская Германия пересекали, чтобы напасть на Россию, Украина служит буферным государством огромного стратегического значения для России. Ни один российский лидер не будет относиться с терпимостью к тому, чтобы военный союз, который до недавнего времени был смертельным врагом Москвы, вошел в Украину. Ни один российский лидер не будет сидеть сложа руки, когда Запад помогает созданию правительства, которое решило интегрировать Украину с Западом [...] Вашингтону может не нравиться позиция Москвы, но он должен понимать ее логику. Это Геополитика на 101%: великие силы всегда очень чувствительны к потенциальным угрозам вблизи их территории. В конце концов, Соединенные Штаты не терпят, когда находящиеся далеко за их пределами великие силы располагают свои военные силы где бы то ни было в Западном полушарии, тем более на их границах. Представьте себе гнев Вашингтона, если Китай создаст большой военный союз и попытается включить в него Канаду и Мексику.⁷

Это все правильно с точки зрения реалистической концепции международных отношений. Однако, либералы могут поставить вопрос, действительно ли сегодня существует угроза со стороны одной великой силы (США) другой (Российской Федерации).

Далее Миршаймер доказывает, что Запад, придерживаясь либерального сценария, «ненамеренно спровоцировал большой кризис в Украине». В то же время, можно отметить, что Россия, в свою очередь, придерживаясь к сценарию *Реалполитик*, сделала то же самое.

Здесь надо отметить, что большинство дискуссий об украинской трагедии сосредоточены на соперничестве великих сил, в смысле Москва *против* Вашингтона или Россия *против* НАТО. В меньшей степени, если вообще принимается в расчет то, что у Украины есть право самой делать выбор. Миршаймер, в этом плане, ставит вопрос ребром: «Такие абстрактные права, как право на самоопреде-

⁷ John J. Mearsheimer, “Why the Ukraine Crisis is the West’s Fault. The Liberal Delusions that Provoked Putin,” *Foreign Affairs*, September/October 2014, доступно на <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault>.

ление, почти не имеют смысла, когда могущественные государства входят в спор с более слабым государством. Имела ли Куба право создать военный союз с Советским Союзом во время Холодной войны? Очевидно, Соединенные Штаты так не думали, а Россия подходит подобным образом к идее, чтобы Украина присоединилась к Западу. В интересах Украины понять эти факты жизни и ступать осторожно, когда дело касается ее более могучего соседа». ⁸ Но это было в период Холодной войны. Как насчет эпохи после Холодной войны? Под термином эпоха после Холодной войны я имею в виду не только окончание идеологического соперничества между США и СССР и крах мирового коммунизма, но также окончание разделения мира на две мегасферы влияния, и также появление новых центров могущества, формирующих новый мировой порядок.

Если мы согласимся с утверждением, что Украина ничего не может сделать сама против России, то тогда это верно и для остальных бывших советских республик, которые вероятно настолько же уязвимы в случае давления со стороны России. Было бы полезно делать отличие между концепцией ухода из сферы влияния России и концепцией сближения с Европой. Не Запад хотел оторвать Украину от России, а сама Украина хотела двигаться в сторону Европы – и это было ее долгосрочной, постоянной целью с 1991 года. Интересно, что и Россия, несмотря на некоторые колебания, сама в этот период двигалась в сторону Европы.

Когда речь заходит об ЕАЭС, кажется, что Москва предпринимает конвульсивные усилия для реализации этого интеграционного проекта, забывая уроки СНГ, который на практике провалился. Все усилия такого рода, предпринятые до сих пор, принимали форму того, что Рой Аллисон называет «протекционистской интеграцией», т.е. «формой коллективной политической солидарности с Россией и Китаем против международных политических процессов или повесток дня, которые воспринимаются как вызов нынешним режимам и их лидерам». ⁹

И все-таки, как отмечает Антон Барбашин, идея универсально выгодной всем интеграции на равных условиях всегда была лишь фасадом. Задолго до создания ЕАЭС было ясно, что большие экономические различия между членами группы работают на пользу России, а другие страны получают второстепенные роли. До срыва рубля в декабре 2014 года на Россию приходилось 87 процентов ВВП Союза и 83 процента его населения. Для сравнения, самая большая экономика ЕС, Германия, составляет 15.8 процентов его ВВП и всего 6 процентов его населения. Очевидно, составляя около трех четвертей его общего экономического веса, Россия будет доминировать в ЕАЭС. ¹⁰

Ситуация внутри ЕАЭС сейчас обостряется, так как санкции, наложенные Западом против России, уже начинают давать о себе знать в других странах-чле-

⁸ Там же.

⁹ Roy Allison, "Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia," *Central Asian Survey* 27/2 (2008): 185–6.

¹⁰ Anton Barbashin, "The Eurasian Illusion. The Myth of Russia's Economic Union," *Foreign Affairs*, 15 January 2015, <http://the-levant.com/the-urasian-illusionthe-myth-of-russias-economic-union/>.

нах. Тем не менее, «в отличие от Белоруссии и Казахстана, Россия готова пожертвовать экономическим процветанием и внутренней стабильностью во имя геополитической идеи». Поэтому, «чем больше Россия скатывается по спирали экономической рецессии, тем чаще ее союзники будут смотреть в сторону Запада».¹¹

Центральная Азия в растерянности

Для Центральной Азии события на Украине можно рассматривать как «момент истины». Астана, Бишкек и Ташкент сначала сделали официальные заявления касательно событий на Украине в марте 2014 года, подчеркивающие необходимость сохранения территориальной целостности и суверенитета страны. Они выразили свою озабоченность курсом развития событий. Заявление Бишкека было более осторожным, а позиция Душанбе была весьма прорусской. Эти заявления можно рассматривать как предупреждения, адресованные не только к Украине, так как в них подчеркивалась важность мирного разрешения кризиса, но также и как предупреждения к России.

Однако, после отделения *de facto* Крыма и его аннексия Россией, Астана и Бишкек слегка изменили свои позиции, сделав заявления, осторожно выражающие «понимание» и «признание» свершившегося факта. Но позиция Ташкента осталась относительно твердой. На саммите Шанхайской Организации Сотрудничества в Душанбе в сентябре 2014 года президент Узбекистана Ислам Каримов констатировал, что ключ к разрешению украинского конфликта может быть найден только в прямых переговорах между Киевом и Москвой. Некоторые наблюдатели оценивают такое заявление как услугу, оказываемую Ташкентом Москве, и как поворот Узбекистана в сторону России. На деле, однако, это не было изменением позиции Каримова: да, Узбекистан все еще за территориальную целостность и суверенитет Украины, но считает, что оба государства – Украина и Россия – должны начать прямые переговоры между собой.

Для стран Центральной Азии, которые только в последнее время стали независимыми акторами в международной системе, наблюдение за украинским кризисом показало сильное расхождение в интерпретациях и применении международного права со стороны великих сил, что касается их собственного поведения и отношения к меньшим государствам. Российские представители неоднократно ссылались на косовский прецедент для оправдания аннексии Крыма. Поэтому в ходе событий Москва не только применяла меры принуждения к Киеву, но и пыталась узаконить эти меры, заключив сделку с Вашингтоном. Это является проблематическим прецедентом для меньших стран на постсоветском пространстве, поскольку он показывает слабость и ад-хок характер международного порядка в этой части мира.

С этой точки зрения, одним из побочных эффектов украинской драмы является то, что своими недавними заявлениями касательно ситуации на Украине и отделе-

¹¹ Там же.

ния Крыма, президент Путин на деле делегитимизировал СНГ. Он заявил, что отделение Украины от Советского Союза было незаконным. Но в таком случае, это относилось бы ко всем бывшим советским республикам, в том числе и к России – СССР в конечном итоге распался из-за государственного переворота, осуществленного бывшим российским президентом Ельциным. Следуя логике заявления Путина, подразумевалось бы, что СНГ так же является нелегитимным. Показательно, что президент Украины, Петро Порошенко, не появился на последнем саммите СНГ в октябре 2014 года; в своей речи президент Узбекистана Ислам Каримов даже обвинил его в пренебрежении к саммиту и предположил, что возможно, Порошенко колеблется между тем, чтобы Украина осталась членом СНГ, и тем, чтобы вышла из него.¹²

Тем временем, целостное развитие событий на Украине и в связи с Украиной оказало сильное влияние на общественное мнение стран Центральной Азии. Многие люди в Центральной Азии судят о событиях на Украине под влиянием российских СМИ. Как утверждает один аналитик,

После первого шока, вызванного кризисом, страны Центральной Азии постепенно пришли к заключению, что им следует продолжить иметь дело с Россией. Однако, ни одно из этих государств не готово быть полностью под контролем России, а все они пытаются сбалансировать влияние России, улучшая отношения с Западом и Китаем. Есть убедительные признаки, что Пекин воспользуется балансирующими действиями Центральной Азии, продвигая себя в качестве менее агрессивного партнера, чем Запад или Россия. Это, вероятно, окажется хорошей стратегией для утверждения себя в качестве гегемона в Центральной Азии в предстоящие годы.¹³

В этом смысле, страны региона находятся в растерянности между прошлым *modus operandi* (образом действий), диктующий их балансирующие действия и поиском нового *modus vivendi* (образа существования).

Эта ситуация еще более обострилась, когда Путин 29 августа 2014 года сделал опрометчивое и двусмысленное заявление, что в прошлом казахи никогда не имели собственного государства, и что президент Казахстана, Нурсултан Назарбаев, выполнил уникальную задачу – создал государство Казахстан. Такое неосторожное заявление, хотя и лестное для Назарбаева, вызвало двойной упрек со стороны казахов, так как во-первых была ущемлена их гордость своей историей, и во-вторых, заявление породило у них подозрение на возможное повторение украинского сценария на территории Казахстана. Такие подозрения действительно впервые появились накануне кризиса на Украине, когда российские политики часто выражали мнение, что такое государство как «Украина» не существует.

¹² См. <http://news.bigmir.net/world/851389-Na-sammite-SNG-v-Minske-osudili-otsutstvие-Poroshenko>.

¹³ Bayram Balci and Daniyar Kosnazarov, “The Ukraine Crisis’s Central Asian Echoes,” *Carnegie Moscow Center*, 25 December 2014, доступно на <http://carnegie.ru/eurasiaoutlook/?fa=57603>.

В ходе таких процессов трансформации – и события на Украине только подтверждают это – институции СНГ, и в том числе ОДКБ, были существенно маргинализированы из-за дипломатического паралича во время продолжающегося украинского кризиса. Это ставит центрально-азиатские государства в прямое противоречие с Россией и подрывает устои многосторонних структур, которые потенциально могли бы смягчать такие кризисы. В этом плане примечательно то, что решение Узбекистана выйти из ОДКБ и дистанцировать себя от находящихся под руководством России многосторонних структур, которое получило критики некоторых экспертов, неожиданно оказалось разумной стратегией.

В контексте украинской драмы, сегодня Центральная Азия сталкивается с двойным вызовом: во-первых, проблема продолжения партнерства с НАТО, сопротивлению которому стало характерной чертой глобальной позиции России в целом и ее политики во время украинского кризиса в частности; во-вторых, проблема перезапуска регионального формата сотрудничества, учитывая фундаментальный кризис СНГ. С учетом новых обстоятельств, Ташкент мог бы взять на себя ведущую роль в активизации 25-летней идеи региональной интеграции.

Интересно, что Стивен Коэн – профессор российской истории в Университете Нью-Йорка – отметил, что Россию Путина можно понять только в свете национального краха, вызванного распадом СССР.¹⁴ Это поднимает экзистенциальный вопрос о том, может ли Россия выжить и развиваться как великая сила, только окружив себя бывшими сателлитами. Подобные экзистенциальные вопросы возникают и в адрес способности и желания бывших сателлитов, в особенности в Центральной Азии, развиваться независимо от доминирующего влияния России.

Хочет ли Россия сохранить свою исключительную сферу влияния, используя старомодные имперские геополитические силовые игры, или она хочет осуществить истинно демократический проект объединения заново бывшего советского географического пространства на основе новых принципов? Тогда как Россия еще не сформировала собственную четкую стратегию в отношении к Средней Азии, ее геополитические соперники – Соединенные Штаты, Европейский Союз, Япония и Китай – уже готовы. Отсутствие адекватной российской стратегии в отношении к Центральной Азии является, возможно, главной причиной для видимой дисгармонии между ее огромными силовыми активами и ее ограниченным проецированием силы. Война на Украине станет лакмусовым тестом для раскрытия сущности постсоветского положения России.

Заключение

Конфликт на Украине и участие России в нем стало новым испытанием для всех – для Украины, России, ООН, ЕС, НАТО, ОБСЕ и СНГ. Он стал водоразделом, который отметил конец периода после Холодной войны для всех этих стран и общностей. Поскольку конфликт был вызван движением Киева в сторону Европы и

¹⁴ С. Коэн, «Крах Советского Союза прервала движение России к демократии», www.centrasia.org, 14 декабря 2006, источник: ИноСМИ, 13 декабря 2006.

НАТО, можно задать риторический вопрос, почему одна часть страны хочет присоединиться к европейским институтам, а другая сопротивляется такому варианту и предпочитает воссоединиться с Россией. Во всяком случае, даже разделение Украины таким образом не могло бы помешать хотя бы прозападной части страны присоединиться к западному сообществу – сценарий, которому Россия активно мешает. С этой точки зрения, продолжающаяся война выглядит бессмысленной и невыгодной для России.

Украинский театр гальванизировал политические круги и общественное мнение везде на постсоветском пространстве, в том числе и в Центральной Азии: европейцы озабочены готовностью России прибегать к применению жесткой силы на международной арене, то же самое можно сказать и для всех постсоветских республик. Этот театр, наряду с предшествовавшими кампаниями России против Грузии и Молдовы, заново озвучил концепцию «сферы влияния» или «сферы жизненных интересов» в эпоху глобализации. С одной стороны, с точки зрения концепции *Реалполитик*, можно понять и объяснить, почему Москва активно следует своей собственной версии доктрины Монро, обеспечивая себе буферную зону, охватывающую территории бывших советских сателлитов по ее периметру. Но, с другой стороны, позиция *Реалполитик* не учитывает в достаточной степени вопрос, хотят ли эти страны остаться буферными зонами для России, или они попытаются изменить статус-кво. Как утверждает один аналитик,

Сейчас НАТО нужно объяснить своим партнерам по всему миру зачем нужно сотрудничество и какую добавленную стоимость оно может принести ... Недавний украинский кризис породил необходимость сформулировать стратегическую концепцию будущей политики в этом регионе, основанную на целостной позиции Альянса, а не только на взглядах отдельных стран-членов. Украинский кризис мог бы стать стимулом для развития отношений между НАТО и другими государствами в регионе, в том числе странами-членами, кавказскими странами или даже Молдовой, которые пытаются найти дополнительные механизмы сотрудничества ... Вся схема сотрудничества должна быть перестроена. Сотрудничество должно перерасти из спорадического в стратегическое.¹⁵

В этом контексте, то же самое предположение имеет место, когда речь идет о сотрудничестве НАТО с другими постсоветскими странами, в том числе и среднеазиатскими – регион, в котором Альянс в последнее время приобрел весьма уникальный опыт благодаря операции ISAF в Афганистане.

¹⁵ Hanna Shelest, “NATO and Ukraine: In or Out?” *Caucasus International* 4 (Winter 2014–2015): 65–66.